

Рассеянность vs неуютность: о цифровой бездомности в связи с концепцией Шошаны Зубофф

АЛЕКСАНДР ПОГРЕБНЯК

Национальный исследовательский университет ИТМО;
Национальный исследовательский университет «Высшая школа
экономики» (НИУ ВШЭ), Санкт-Петербург, Россия,
aapogrebnyak@gmail.com

Ключевые слова: цифровизация; надзорный капитализм;
дом; серьезность; рассеянность; Шошана Зубофф.

Статья посвящена осмыслению цифровой бездомности. Исходным пунктом рассуждений автора выступает тезис Шошаны Зубофф о том, что в условиях надзорного капитализма люди лишаются дома в том смысле, что их существование целиком (включая внутренний мир) подвергается оцифровке. Цель этой оцифровки — достижение полного контроля над нашим поведением, в котором могут быть заинтересованы как капиталистические корпорации, так и правительства. Особый интерес в концепции Зубофф, по мнению автора, представляет навязчивое использование военной метафоры: она постоянно подчеркивает сходство между деятельностью надзорных капиталистов и завоевателей (например, конкистадоров). Это позволяет провести аналогию с трактовкой

войны в работах Эрнста Юнгера (таких как «Рабочий», «Тотальная мобилизация» и др.).

Не оспаривая необходимости критиковать образ действий надзорных капиталистов, автор ставит под вопрос неизбежность обращения к образу войны как выражению предельной экзистенциальной серьезности, сосредоточенности, мобилизующей все способности субъекта для достижения подлинно значимых целей. Отталкиваясь от критики, высказанной Вальтером Бенямином в адрес Юнгера, автор показывает, что, возможно, как раз напротив — не сосредоточенность, а именно *рассеянность* могла бы послужить наиболее разумной формой существования в ситуации радикальной неуютности, порожденной капиталистической цифровизацией.

There is no pure land now. No safe place...

Laurie Anderson. Love Among the Sailors

Они захватывают нас...

МАСШТАБНОЕ исследование надзорного капитализма, предпринятое Шошаной Зубофф, вращается вокруг единственного тезиса: ведущие ИТ-компании стремятся к максимально гарантированному извлечению прибыли, получаемой благодаря присвоению «поведенческого излишка», что позволяет им знать своего клиента «так, как он сам не знает себя», и, следовательно, прогнозировать — а затем и программировать — все его возможные будущие решения (которые, вследствие утраты потребительского суверенитета, перестают быть «решениями» в строгом смысле этого слова). Такое огораживание *нас самих* стало возможным благодаря беспрецедентности оперативного захвата данных и, по сути, грозит окончательным лишением сегодняшних людей *дома* в наиболее радикальном смысле этого слова — как личного убежища и святилища. При этом становится очевидным, что политические и экономические стороны социальных отношений вступают здесь, как сказал бы Джорджо Агамбен, в «зону неразличимости», ведь горизонт возможностей, открываемых внедрением и развитием цифровых технологий, становится полем взаимной заинтересованности государственного аппарата и рыночных структур. Эта заинтересованность выражается прежде всего в «надзорной чрезвычайщине»¹, что лишний раз показыва-

В работе представлены результаты проекта «Границы современной культуры: природа, технологии и социальные интерфейсы», выполненного в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ в 2023 году.

1. Зубофф говорит об «избирательном сродстве между государственными спецслужбами и Google как начинающим надзорным капиталистом», которое «в условиях чрезвычайного положения расцвело, чтобы породить уникальную историческую деформацию, *надзорную чрезвычайщину*» (Зубофф Ш. Эпоха надзорного капитализма. Битва за человеческое будущее на новых рубежах власти. М.: Издательство Института Гайдара, 2019. С. 155). Отсылка к использованному Максом Вебером понятию *из-*

ет, как экстремальная форма существования («террористы») становится парадигмой для его «нормальной» формы («пользователи», «потребители»): отныне *каждый* из нас представляет собой не только потенциального правонарушителя, но и потенциального саботажника в отношении эффективного функционирования экономической системы — а значит, и одна, и другая потенциальности должны быть взяты под контроль и отформатированы «единственно должным» образом.

Собственно, нельзя говорить о том, что мы сталкиваемся здесь с хоть сколько-нибудь новой логикой — наоборот, за революционными изменениями на уровне технологий мы видим вечное (с некоторых пор) возвращение все той же анекдотической сцены: то, что почитается в качестве ненужного (отбросы, дрянь, мусор), вдруг объявляется необыкновенно ценным. Парадигмой этой «переоценки» является жест платоновского Парменида, указывающего Сократу на его молодость, по причине которой философия будто бы пока еще не захватила его полностью — иначе бы ни один волос, ничто ничтожное и нестойкое не было бы лишено своего эйдоса². Философия здесь оказывается механизмом капитализации «излишков» бытия, а мудрость Парменида — парадигмой для деловой хватки Чичикова, который уже в самом начале, в разговоре с Маниловым, проговаривается о том, что мертвые «вовсе не дрянь», а во втором томе в лице миллионера Муразова, утверждающего, что из любого мусора можно делать деньги, — обнаруживает алиби для придания респектабельности своей предприимчивости.

Что, однако, привлекает внимание в книге Зубофф, так это настойчивое — если не навязчивое — обращение к военной метафоре³, в форму которой непрерывно облекается ее аргументация; вот лишь один из многих примеров:

бирательного средства провоцирует провести аналогию между протестантским этосом «мирской аскезы», обеспечившим становящийся капитализм его «духом» (то есть основой его консистентности и непрерывности), и установкой на непрерывное оперативное вмешательство во все стороны жизнедеятельности современного человека, характерной для деятельности спецслужб и чудесным образом спасительной для капитала, ищущего прочных гарантий своей прибыльности в мире радикальной нестабильности.

2. См.: Платон. Парменид. 130 с-е // Собр. соч.: В 4 т. М.: Мысль, 1993. Т. 2. С. 346–412.
3. Кстати, во внешнем облике Чичикова также есть что-то от военного, что придает его походениям нечто завоевательское — недаром же чиновники города NN принимают его за Наполеона. Подробнее об этом см.:

Как генералы, горделиво ведущие учет своим армиям, лидеры надзорного капитализма заботятся о том, чтобы убедить союзников в своей непобедимости. Обычно это выражается в перечне инструментальных войск, сосредоточенных на границе, готовых к оцифровке всего и вся в погоне за тотальностью. Эта погоня, как становится ясно, не просто *имеет последствия* для общества; она *включает в себя общество*⁴.

Поэтому даже явно утопические речи идеологов тотальной цифровизации (про общее благо, которое якобы может быть обеспечено беспрецедентными успехами технонауки) не следует недооценивать:

Подобные речи — не простая болтовня. Это саперный взвод, который идет впереди пехотинцев, и хитрый дипломат, заранее засланный, чтобы разоружить врага и облегчить дорогу к тихой капитуляции. Обещание века волшебства играет критическую стратегическую роль, отвлекая нас от тотальных амбиций надзорного капитализма, которые неизбежно включают «людей» в качестве «первостепенного объекта», и одновременно узаконивая эти амбиции⁵.

Возникает вопрос: являются ли эти метафоры *только* метафорами? В какой мере автор призывает публику к мирной борьбе за законодательное регулирование деятельности надзорных капиталистов, а не к классовой борьбе с ними в форме гражданской войны? Являются ли надзорные капиталисты теми, в отношении кого все еще может быть сохранен общественный договор, или они характером своих действий обрекают нас в какой-то момент квалифицировать их как экзистенциальных врагов, подлежащих уничтожению?

Аналоговая аналогия: Эрнст Юнгер о войне и работе

Эти вопросы могут показаться чрезмерными, и все-таки над ними стоит поразмышлять. Идея тотального захвата общества посредством повсеместного использования информационных технологий, которые делают жизнь современного субъекта полностью

Беляев В. В. Россия и Наполеон в поэме Гоголя «Мертвые души» // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. 2009. Т. 9. № 4.

4. *Зубофф Ш.* Указ. соч. С. 520.

5. Там же. С. 526.

поднадзорной — с целью спасения человеческого рода от *общества* как устаревшей, иррациональной и, главное, опасной формы его (человеческого рода) жизни, — вызывает аналогию с концепцией всеобщей мобилизации Эрнста Юнгера, которая хотя и отсылает к аналоговой эпохе, но, как кажется, может быть прочитана как предвосхищение тотальной оцифровки нашего существования. Объявляя все «бюргерские» представления о безопасности, справедливости, счастье как безвозвратно устаревшие, Юнгер противопоставляет буржуазному индивиду «рабочего» как тип, репрезентирующий «гештальт» существования, полностью редуцированного к императиву тотального господства над всеми сторонами жизни. Все частное (например, собственность) сохраняется в этой картине лишь в качестве чего-то «специального», чья легитимность зависит исключительно от тотальности:

Степень достигнутого рабочим господства узнается не потому, что «больше нет никакой собственности», а по тому, что и сама собственность раскрывается как одна из специальных характеристик работы. <...> Здесь не существует такого специального средства, которое бы одновременно не являлось средством власти, то есть выражением тотального характера работы⁶.

Так почему бы сегодня прибыли, получаемые ИТ-компаниями благодаря колонизации наших «душ», не рассматривать как специальные показатели той степени, в какой сам тип рабочего приблизился к идеалу тотального господства над миром? Ведь, как полагает немецкий «искатель приключений», в отличие от индивида, озабоченного своим противопоставлением массе на основе каких-то уникальных ценностей, тип вполне уютно чувствует себя в цифре, поскольку

... выказывает стремление отыскать признаки, лежащие за пределами единичного существования. <...> [вследствие чего] мы сталкиваемся с математической, «научной» характерологией, например с расовыми исследованиями, простирающимися вплоть до измерения и исчисления кровяных телец⁷.

Заслугой Юнгера — если говорить о заслугах тут вообще уместно — является та суггестивность, которую он сумел придать своим описаниям неразрывного единства войны и работы, их тен-

6. Юнгер Э. Рабочий. Господство и гештальт; Тотальная мобилизация; О боли. СПб.: Наука, 2000. С. 398, 411.

7. Там же. С. 219.

денции сближаться вплоть до неразличимости, причем с претензией придавать своему воздействию на мир тотальный характер: все без остатка должно перейти через «линию, где расплавляются все ценности»⁸; эта суггестия, повторим, сродни той, что исходит от тех сотен страниц, на которых Зубофф демонстрирует нам процесс малозаметного, но оттого лишь более успешного и, как кажется, неотвратимого изъятия всех тех ресурсов (или резервов, как выразился бы Юнгер), на которых базируется субстанциальный (и священный) статус наших личностей. Для Юнгера историческое событие «тотальной мобилизации» является знаком подлинно метафизического измерения нашего существования, которое открывает себя через ту боль, которую мы испытываем в переплавке нашего эмпирического состава. В «Сердце искателя приключений» он говорит о недостаточной точности, с которой природа «кроит одежды, предназначенные для жизни», так что «в результате на линиях швов остаются лишние лоскуты материи», после чего сравнивает положение человека, все еще живого в эпицентре кровавой бойни, с рыбой, которая, будучи выпотрошена кухаркой, продолжает прыгать на раскаленной сковороде⁹. Но то, что для рыбы лишь бессмысленная агония, то, утверждает Юнгер, для человека, который не погиб при штурме первой окопной линии, может выступить ресурсом для некоего высшего откровения:

Когда мир потрясается в своей основе, возникают трещины, по которым мы угадываем тайны постройки, скрытые от нас в обычное время. Так и тогда, в бою, я испытал чувство, буд-то на короткое мгновение сердцем овладела какая-то более глубокая действительность, чем действительность победы, между тем как из второй линии траншей смерть уже обращала на нее свое дуло¹⁰.

Клякса и Лес

Здесь самое время вспомнить о реакции Вальтера Беньямина на поэтическую метафизику войны, появившуюся в современной ему Германии, — реакции, высказанной им в рецензии на сборник «Война и воины», который вышел в 1930 году под редакцией Юн-

8. *Он же*. Через линию // Судьба нигилизма: Эрнст Юнгер, Мартин Хайдеггер, Дитмар Кампер, Гюнтер Фигаль / Пер. с нем., предисл. и комм. Г. Р. Хайдаровой. СПб.: СПбГУ, 2006. С. 44.

9. *Он же*. Сердце искателя приключений. М.: Ад Маргинем Пресс, 2022. С. 136.

10. Там же. С. 138.

гера и включает его эссе «Тотальная мобилизация». В этом тексте, озаглавленном «Теории немецкого фашизма», Беньямин цитирует своего друга, историка Флоренса Кристиана Ранга, увидевшего в подобной метафизике не более чем банальную поэтизацию смерти, за которой стоит неверие в жизнь:

...мнимое величие героической смерти на поле боя, бездумно отдающее жизнь за идею... чудовищное представление о мире как о царстве смерти, а не о царстве жизни, которая немецкая философия идеализма пытается приукрасить обещанием, что где-то за всем этим мраком существует все же и звездное небо...¹¹

И как итог — решение, что

...если жизнь все равно ничего не стоит, так почему бы не расстаться с ней в тот упоительный миг, который послужит потомкам и наградит жертву вечным ореолом славы¹².

Или, согласно замечательному образу самого Беньямина, за метафизикой войны скрывается физика обыкновенной *кляксы*, которой школьник пытается скрыть допущенную ошибку; собственно, эта клякса (природа, ставшая фронтовым ландшафтом¹³) и есть тот единственный «дом», та единственная «родина», которую ставший солдатом школьник защищает и в мирное — а для него самого только межвоенное (не случайно Юнгер располагает топос своей метафизики между двумя линиями траншей, то есть *внутри смерти*, которая в своем случившемся промедлении становится единственным предметом мысли и желания) — время. Исключительное мгновение после атаки и перед атакой, в которое будто бы обнажается скрытая основа мира, невидимая в обычное время, и есть та клякса, которая скрывает от зрения слепоту в отношении того, что может быть приоткрыто в течении времени как раз самого что ни есть обыкновенного, профанного, — в отношении жизни как самоценной имманентности, а не только лишь объекте неперменного трансцендирования.

Примат смерти в отношении жизни виден и в последующих эссе Юнгера. Так, в «Уходе в лес» (1951) говорится о трех главных

11. Беньямин В. Теории немецкого фашизма. О сборнике Эрнста Юнгера «Война и войны» // Он же. Маски времени. Эссе о культуре и литературе / Сост., предисл. и прим. А. В. Белобратов. СПб.: Симпозиум, 2004. С. 367.

12. Там же.

13. Там же. С. 371.

исторических «гештальтах» современности — Рабочем, Незнакомом Солдате и Ушедшем в Лес; последний определяется как тот, кто «в ходе великих перемен оказался одиноким и неприютным и в конечном счете увидел себя преданным уничтожению»¹⁴. Уничтожение здесь надо понимать не только как реальную, физическую гибель, но и как смерть символическую — как уничтожение *в цифре* подлинной единичности, а значит, и суверенности, то есть способности самому себя представлять перед современным Левиафаном, работающим как машина сведения человеческого существования к форме массового скопления индивидов. Но и противостояние этому уничтожению мыслится исходя из смерти; наиболее четко это зафиксировано в 20-й главке эссе «Через линию», опубликованного в том же 1951 году, — те метафизические оазисы в пустынном ландшафте современности, те «сады, в которые Левиафан не имеет доступа», характеризуются здесь прежде всего бесстрашием человека перед своей готовностью умереть и *только затем* — его способностью к любви и дружбе, а также к «мусической жизни»¹⁵; и точно так же тот столь же метафизический Лес, в котором находит свое пристанище — а лучше сказать, занимает свою последнюю позицию, — «обреченный на уничтожение» суверенный одиночка, именуется великим Домом Смерти:

Лес потаен. Это одно из тех слов нашего языка, что скрывают в себе собственную свою противоположность. Потаенное значит уютное, хорошо укрытый домашний очаг, безопасный приют. В не меньшей степени это значит скрытое-затаенное, и в этом смысле оно смыкается со зловещим. Когда мы сталкиваемся со словами с подобным корнем, мы можем быть уверены в том, что в них слышится нечто большее, чем простая противоположность, но еще и великое уравнение жизни и смерти, решением которого занимаются мистерии¹⁶.

14. Юнгер Э. Уход в лес. М.: Ад Маргинем Пресс, 2022. С. 36.

15. См.: *Он же*. Через линию. С. 56–58.

16. *Он же*. Уход в лес. С. 64. В русском языке для «неуютного» было слово другого корня: антоним к глаголу «ютиться» — глагол «юриться»; соответственно, место, лишенное уюта — это «юр», пребывать в нем — «быть на юру». Как пишет Сергей Лишаев: «Юр, в отличие от *простора*, не только указывает на открытое пространство, но и *акцентирует в открытости беспорядочное, хаотическое движение*. Юр — это место, где человеку *негде спрятаться* от „разгула стихий“. На юру холодно, там дуют пронизывающие насквозь ветры, юр — открыт „для чего угодно“; на юру шумно, суетно, беспокойно, там все непрерывно меняется, там торопятся и толкаются. Открытость пространства на юру — не горизонт того, что возможно, но такая открытость, которая переживается как *невоз-*

Иными словами, Лес в качестве метафизического топоса является той предельной позицией, где человек оказывается перед необходимостью решения о мире в целом, и это решение, очевидно, не может полагаться ни на какие ресурсы, будто бы преднаходимые в самом этом мире, в его наличном состоянии. Именно с этой позиции Юнгер мог бы выдвинуть свой аргумент в воображаемом диалоге с Зубофф, сходный с тем, что выдвинул Парменид в столь же воображаемом диалоге с Сократом: попытка противопоставить экспансии надзорных капиталистов законодательные инициативы, имеющие целью ограничение их амбиций по захвату бессознательного своих клиентов для полного контроля над их поведением, свидетельствует о наивном представлении («Ты еще слишком молода, Шошана...»), будто инструменты права еще не целиком апроприированы логикой капиталистической цифровизации. Сувереном поэтому является не столько народ как подлинный субъект политики (точка зрения Зубофф), сколько «ушедший в лес» *аполид*; впрочем, то, как его описывает Юнгер, вызывает скорее скепсис и иронию, нежели порождает энтузиазм:

Затянувшиеся мирные времена благоприятствуют оптическим иллюзиям. К их числу относится и допущение, что неприкосновенность жилища основывается на конституции и гарантируется ею же. На самом деле эта неприкосновенность основывается на отце, который вместе со своими сыновьями встает в дверях с топором в руке. <...> Про жилище в законах написано неплохо, да только мы живем во времена, когда один чиновник может взломать замок для другого чиновника¹⁷.

Мы говорим о скепсисе и иронии, поскольку юнгеровский Лес (как и та Провинция, куда призвал нас удалиться якобы сам удалившийся в нее Мартин Хайдеггер) едва ли является заповедным пространством для цифрового Левиафана — и здесь как раз будет права Зубофф, что суверенитет сегодня принадлежит исклю-

можность покоя, отдыха, безопасности, как невозможность пребывания. <...> „Неогороженность“ *юра* воспринимается и переживается не как отсутствие ограничений и преград (так воспринимаются „простор“, „приволье“), а как незащищенность перед превосходящими психофизическую размерность человека силами, со всех сторон окружающими его в „продувном“ месте. <...> На юру у человека возникают чувства неприютности, неприкаянности и тоски» (Лишаев С. А. Эстетика пространства. СПб.: Алетейя, 2015. С. 204–205).

17. Юнгер Э. Ушедший в лес. С. 92.

чительно инстанции капиталистической «цифры»¹⁸; трудно отделиться от впечатления, что этот «метафизический» Лес (оазис, сад и т. п.) не может не разделять судьбу той вполне физической природы, на зависимость которой от современной промышленности указывали еще авторы «Немецкой идеологии», подвергая едкой критике созерцательный характер фейербаховского материализма (знаменитый пример с вишневым деревом). И точно так же, разве не является производением механики надзорного капитализма с его мягким обволакиванием нашей «свободы выбора» та негативность, которая представляет собой практическую метафизику бытия к смерти? Которая в пределе оказывается еще одной разновидностью «суицидальной сборки» (в терминологии Делёза и Гваттари), хотя на поверхности и выглядит как предельная интенсификация витализма — правда, почему-то неизменно с топором (а сегодня, как правило, с автоматом) в руках? Существование в порах «общества контроля» «оазисов» самых диких (или самых что только ни есть «традиционных») форм суверенности вовсе не означает его провала, скорее — его беспрецедентный успех. Другое дело, что фундаментом этого общества является не нерушимость общественного договора, а скорее, процесс (в какой-то мере управляемый и сдерживаемый мерами полицейского характера) его деградации (что не означает явного и немед-

18. Ср.: «Большой Другой [то есть надзорно-капиталистический Левиафан. — А. П.] действует от имени беспрецедентной совокупности коммерческих операций, для которых изменение человеческого поведения — условие коммерческого успеха. Он заменяет законный договор, верховенство права, политику и общественное доверие новой формой суверенитета и осуществляемым в частном порядке режимом подкрепления» (*Зубофф Ш.* Указ. соч. С. 662). «Верховенство» принадлежит экономике, право же — как и цифровые технологии — становится инструментом реализации главной экономической цели, то есть эффективности. Именно таким является неолиберальное представление об отношении права и экономики — лучше всего это отражено в словах Луи Ружьера, сказанных еще в 1939 году и цитируемых Мишелем Фуко в курсе «Рождение биополитики»: «Таким образом, быть либеральным никоим образом не означает быть консервативным, в смысле сохранения существующих привилегий, гарантируемых прежним законодательством. Напротив, это значит по существу быть прогрессивным в смысле постоянной адаптации законопорядка к научным открытиям, к прогрессу в экономических организациях и технике, к изменениям в структуре общества, к требованиям современности» (*Фуко М.* Рождение биополитики. Курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1978–1979 учебном году. СПб.: Наука, 2010. С. 209).

ленного расторжения). Как показал Эрик Саден¹⁹, для большинства членов современного общества характерно парадоксальное, на первый взгляд, сочетание чувства своей радикальной ущемленности и уязвимости (вследствие давления, оказываемого требованиями, которые предъявляет к их работе и жизни в целом неолиберальная модель отношений) с ощущением своего всемогущества (даруемого новейшими цифровыми технологиями). Свой анализ современного состояния общественных отношений этот автор неслучайно заканчивает описанием массовой аномии, захватывающей людей сегодня (во времена легитимного насилия): убийства, массовые бунты, лишённые «принципа надежды», различные формы экстремизма и т. п.; можно сказать, что реальный мир становится приложением к миру виртуальному — пространству, где индивид должен любой ценой реализовывать свои желания (так что если ты, вопреки ожиданиям, вдруг не становишься успешным стартапером, то всегда остается реальная возможность «пафоса балаклав и пылающих улиц»²⁰).

В этом смысле (индивидуальная или коллективная) борьба за право (в юридическом смысле слова) на сакральный характер своего домашнего пространства обнаруживает нечто общее с борьбой за право (в метафизическом смысле) на полный и исключительный суверенитет над собственной жизнью: мы хотели бы сами обрекать себя как жизни, так и смерти — полярные возможности в рамках одной парадигмы. Вот почему, с пониманием относясь к позиции Зубофф и граничащему с милитантным пафосу ее рассуждений, мы хотели бы указать на неоднозначность той логики, которая исходит из необходимости всеми возможными средствами защищать сакральное пространство «нашего» дома от вторжения «их» аппаратов захвата — дело в том, что деятельность последних может иметь в качестве своего алиби как раз подобные «оазисы подлинности», или, другими словами, предлагать прорывы в «реальное» тем, кто критически настроен в отношении «виртуального»²¹.

19. См.: Саден Э. Тирания Я: конец общего мира. СПб.: Издательство Ивана Лимбаха, 2023.

20. Там же. С. 304.

21. Здесь можно вспомнить то разоблачение «страсти к Реальному», которое произвел Славой Жижек в своей книге, написанной по горячим следам событий 11 сентября 2001 года: «Проблема со „страстью Реального“ в двадцатом веке была не в том, что существовала страсть Реального, но в том, что существовала фальшивая страсть, чье безжалостное стремление к Реальному по ту сторону видимости было *основной уловкой, чтобы избе-*

Рассудительность как рассеянность

Вернемся к «Теориям немецкого фашизма» Беньямина. Этот текст для нас значим в силу двух взаимосвязанных моментов. Во-первых, в нем высказан важный для его автора тезис (он будет играть ключевую роль в «Произведении искусства в эпоху его технической воспроизводимости», а также — пусть и не столь эксплицитно — в «О понятии истории») о современной войне как результате неспособности общества применить технику (развитие которой идет куда более быстрыми темпами, нежели развитие общественных отношений) для мирных целей; таким образом, война оказывается не чем иным, как попыткой

... с помощью техники мистически и непосредственно разрешить загадку идеалистически осмысленной природы, вместо того чтобы пойти более сложным путем и наделить ее смыслом, используя для создания полезных для человека вещей²².

Во-вторых, современная война рассматривается им как «чудо-вищный, последний шанс» преобразовать свое отношение к действительности — то есть как раз *не дать* «гешталту Рабочего» воплотиться в действительности тотальным образом, как это будет предсказывать или предписывать «героический реалист» Юнгер; ведь те, кто полагает должным нести до конца службу во имя тотального господства...

Не познают и десятой доли того, что природа готова открыть своим менее любопытным и более рассудительным детям, которые видят в технике не фетиш всеобщего заката, а ключ к достижению счастья. Рассудительность эта проявится в тот момент, когда они перестанут видеть в грядущей войне некий магический рубеж и, постепенно свыкнувшись с ней как с явлением обыденным, шаг за шагом постараются превратить ее в войну гражданскую, на деле используя ловкий марксистский трюк, который один только и способен одолеть мрачное руническое заклятье²³.

жать столкновения с Реальным» (Жижек С. Добро пожаловать в пустыню Реального. М.: Фонд «Прагматика культуры», 2002. С. 30); вряд ли этот аргумент перестает работать для прояснения ситуации в веке двадцать первом!

22. Беньямин В. Указ. соч. С. 371.

23. Там же. С. 375.

Этот пассаж, конечно, требует многостраничного комментария. Отметим лишь удивительный образ детей, которые не просто оказались в пространстве войны — империалистической ли, гражданской ли, — а представлены, пусть и метафорически, в роли тех, кто является ее непосредственными участниками (причем, кажется, участниками главными, если не единственными). Как читать этот образ — слева направо или наоборот? Так, что война поглощает детство, делает детей (нас) преждевременно повзрослевшими (в духе «Иванова детства» (1962)) — или, напротив, так, что у детей (только у них?) есть сила преобразовать войну, сделав ее «явлением обыденным» — обыденным в том смысле, что она перестанет быть общим знаменателем всего нашего существования («магическим рубежом», последней «линией», откуда «смерть уже обратила на нас свое дуло»)? В самом деле, поразительная аналогия с представляющейся куда более, казалось бы, понятной позицией Зубофф, бьющей тревогу по поводу того, что наши дети будут лишены даже остатков той защищаемой стенами дома приватности, того уюта, которыми еще обладаем мы²⁴!

Хотя Беньямин анализировал явления аналоговой эпохи, ряд его наблюдений отнюдь не утратил остроты в эпоху цифровую. Так, в XIII главе «Произведения искусства в эпоху его технической воспроизводимости» он говорит о тестирующих возможностях киноаппаратуры, о проникновении в область визуально-бесознательного, так что если раньше...

Наши пивные и городские улицы, наши конторы и меблированные комнаты, наши вокзалы и фабрики, казалось, безнадежно замкнули нас в своем пространстве[, то кино] ... взорвало этот каземат динамитом десятых долей секунд, и вот мы спокойно отправляемся в увлекательное путешествие по грудам его обломков²⁵.

Эта увлекательность — это *не* чрезмерное, рассудительное любопытство — и есть та формальная характеристика возможного опыта современной действительности, которая в заключительной XIV главе этого текста будет связана с фигурой «рассеянного экзамениатора». В этой роли, полагает Беньямин, должна выступать

24. См.: Зубофф Ш. Указ. соч. С. 577.

25. Беньямин В. Произведение искусства в эпоху его технической воспроизводимости // Он же. Учение о подобии. Медиаэстетические произведения. Сб. ст. / Сост. и послесл. И. М. Чубаров, И. А. Болдырев. М.: РГГУ, 2012. С. 221–222.

современная ему публика, кино же, в силу своих технических возможностей, может служить «инструментом тренировки рассеянного восприятия», парадоксальным образом мобилизуя оптические способности субъекта, но задействуя их в децентрированном режиме (следует подчеркнуть — именно *может* служить, поскольку всегда открыта и другая возможность применения, нацеливающая зрителя на реактивацию культового, возвышенно-созерцательного отношения к изображению).

Аналогично кино цифровизация способна взрывать наш опыт, но стоящий за «цифрой» капитал не дает рассеиваться высвободившимся элементам, записывая их на своем «теле», подвергая строгому учету. Вот почему, говоря о современной нам публике, нельзя не отметить тот факт, что цифровые технологии в той мере, в какой они подчинены логике капитала и/или авторитарного государства, непрерывно центрируют субъекта-пользователя на самом себе как том, кто обязан соответствовать ряду предписанных критериев (успешность, состоятельность, лояльность корпорации и/или режиму и т. п.); при этом, как пишет Зубофф, во многом эти критерии вырабатывались с оглядкой как раз на подростковую форму жизни, создавая

... практики для воображаемой вселенной пользователей-подростков и студентов колледжей... впоследствии эти практики были институционализированы для всех остальных, сведя социальный мир к подсчету «друзей», которые на деле никакие не друзья, и «лайков», создающих непрерывную «бегущую строку» твоей стоимости на социальном рынке, разжигая подростковые тревоги и предвосхищая гипнотические социальные правила улья²⁶.

Но почему критика подобной практики должна опираться исключительно на императив сакрализации приватной сферы жизни, то есть дома, а не на профанацию сферы публичной, то есть социального рынка? Почему, например, гуманистически ориентированное образование не нацелить на выработку и дальнейшую институционализацию различных форм рассеивания внимания и воли с целью подрыва существующей гегемонии?

Звучит, казалось бы, несерьезно: рассеянность против тотального захвата нас самих, в деле которого надзорные конкистадоры выигрывают одну битву за другой (впрочем, не следует забывать, что, высказав тезис о «рассеянном экзаменаторе», Беньямин немедленно перешел к вопросу о современной войне как предельной

26. Зубофф Ш. Указ. соч. С. 579.

форме выражения фашистской «эстетизации политики»²⁷). Однако в феномене войны есть ведь тоже что-то изначально несерьезное, подростковое, и не это ли мотивирует использовать ее, как это делает Зубофф, в качестве метафоры для той формы, в которую облачают надзорные капиталисты свои действия (игры, лайки, смайлики, подарочки и т. п.)? Другое дело, что *содержание* этой формы и в том, и в другом случае оказывается не по-детски серьезным: гарантированный рост прибылей, победа над врагом, какой бы ценой в пределе таковые ни достигались. Возможно ли настаивать на соблюдении требований самой формы как на единственно должном содержании²⁸?

27. Беньямин В. Произведение искусства... С. 229. Кстати, Зубофф, сравнивая общество, моделируемое идеологами надзорного капитализма, с паноптикумом Сэмюэля Бенета, напоминает, что последний «черпал вдохновение в архитектуре русских православных церквей», центром которых был, как правило, «главный купол, с которого на прихожан, и предположительно на все человечество, взирал лик всемогущего „Спаса Вседержителя“» (Зубофф Ш. Указ. соч. С. 610–611). Но об архитектуре русских церквей упоминает и Беньямин в своем «Московском дневнике», описывая их как подобие крепостей внутри большого города, который тем не менее поначалу переживается им — по аналогии с Неаполем — как пространство возможного избегания взгляда, претендующего на всемогущество; впрочем, проект спасения «неаполитанского» в Москве оказывается в итоге гиперутопичным, рассеянность здесь скоро станет невозможной, место Спаса Рассеянного займет Спас Бдительный: «Здесь, как и в Неаполе, мы повсюду находим состояние постоянной незаконченности („ремонт“) и перестановки. <...> Однако данные сходства остаются внешними и не затрагивают сути происходящих процессов. Запутанность Москвы отличается от запутанности Неаполя, а ее хаотическая жизнь есть результат спущенных сверху административных преобразований, не несущий в себе эмансипирующей карнавальности» (Скопин Д. А. Конец буржуазных апартаментов. Коммунальные квартиры и музеи в «Московском дневнике» // Логос. 2018. Т. 28. № 1. С. 125).

28. Такого рода жесты, указывающие на то, что форма не должна быть только формой, то есть чем-то исключительно внешним и несущественным, инстанция власти, когда ей невыгодно такое напоминание, старается выставить в комическом свете — как, например, в случае эксперимента Стефана Кинселлы, который пытался выяснить в Банке Англии, как последний собирается выполнить свое обещание, напечатанное на пятифунтовой банкноте и гласящее: «Банк Англии: Я обещаю заплатить по требованию держателя сего сумму в пять фунтов» (см.: *Бьорг У.* Как делаются деньги? Философия посткредитного капитализма. М.: Ад Маргинем Пресс, 2018. С. 123–124).

Дивертисмент на балконе

В последнем разделе своей книги «*Stasis*. Гражданская война как политическая парадигма», озаглавленном «Заметка о войне, игре и враге», Агамбен демонстрирует, что представление о войне как об априори «серьезном» занятии не является ни самоочевидным, ни изначально истинным, и именно поэтому оно нуждается в дополнительном обосновании. Последнее было предложено Карлом Шмиттом, настаивающем на внутренне необходимой связи войны с отношением к противнику или сопернику как к *врагу*, то есть к тому, кого следует любой ценой уничтожить (вражда основана на экзистенциальной ненависти, не редуцируемой ни к каким соображениям морального, культурного, экономического и т. п. характера). Но генеалогический экскурс, осуществленный Агамбеном, показывает, что такая связь не выступала изначально как неизбежная, о чем свидетельствует феномен агональных войн (известный, конечно, и Шмитту, но выносимый им за скобки войны в ее *политическом* значении):

Агональные войны решительно ставят под вопрос круговое отношение между враждой и войной, которым определяется политическое. Если возможна война без вражды (и в предельном случае война без «физического убийства» или такая, в которой убийство не служило бы дефиниции политического, но, подобно побитию пешки в игре в шахматы, только определению результата агона), то исчезает именно тот критерий, что позволял отличать «серьезность» политического от неполитического «развлечения»²⁹.

Таким образом, война в ее современной и, как кажется, единственно возможной форме — в форме «серьезной» работы по уничтожению врага — является

... диспозитивом, с помощью которого агонально-игровая функция оказалась захвачена государством и обращена на другие цели³⁰.

Этот диспозитив оставляет нам в качестве единственной возможность мыслить войну в парадигме трагического — разумеется, в паре с комическим как при определенных оговорках допустимой альтернативой (примером чего мог бы послужить фильм

29. Агамбен Дж. *Stasis*. Гражданская война как политическая парадигма. *Homo sacer*, II, 2. СПб.: Владимир Даль, 2021. С. 120.

30. Там же. С. 124.

Жерара Ури «Ас из асов» (1982) с Жан-Полем Бельмондо в главной роли). Трагическим выглядит и пафос книги Зубофф о надзорном капитализме, настраивающий нас на согласие с позицией, согласно которой любая попытка преодоления навязываемой нам формы существования в «цифре», за исключением «серьезной» политической работы, направленной на формирование правовой защиты наших сакральных домашних пространств, будет выглядеть комически — в лучшем случае как остроумное развлечение, в худшем как нелепое, обреченное на поражение чудачество (представьте только возможные перипетии сегодняшнего существования персонажа, лишенного — или лишившего себя — базовых цифровых услуг, пользующегося по старинке кнопочным телефоном и т. п.). Ближе к финалу своей книги Зубофф комментирует современных художников, пытающихся артистическими средствами конфигурировать возможный опыт укрытия от агрессивных и неправомерных воздействий цифровизации:

...блокирующие сигнал футляры для телефона, фальшивые протезы отпечатков пальцев, не дающие вашим пальцам «стать ключом к вашей жизни», светодиодные козырьки, препятствующие распознаванию лиц, куртки, блокирующие радиоволны и устройства слежения и т. п.³¹

...с тем, чтобы в итоге констатировать недостаточный (а лучше сказать — недостаточно серьезный, что-то вроде смеха сквозь слезы) характер подобных (сделанных в духе классического киберпанка) «контрдеклараций»:

Наибольшая опасность состоит в том, что в жизни за стеклом, или в возможности от нее укрыться, мы начинаем чувствовать себя как дома³².

Конечно, если вся энергия неприятия цифрового захвата нашего «у-себя-бытия» направляется исключительно на строительство убежищ и производство средств защиты, с Зубофф можно только согласиться. Но, возможно, стоит подумать и о другой форме возможной политики существования, не укладывающейся в оппозицию комического и трагического, — оппозицию «рытья тоннелей под стеной» или «разрушения стены»³³, трусливого торможения

31. Зубофф Ш. Указ. соч. С. 633.

32. Там же. С. 636.

33. «Как и с любой другой контрдекларацией, укрытие от рисков становится способом приспособиться, тогда как оно должно стать моментом кри-

или героического перехода «через линию», активности или пассивности, действия или бездействия. О возможности такой политики, рискованно ассоциирующей себя с по-детски развлекательной, демонстративно несерьезной формой жизни, упоминает Агамбен, связывая ее с фигурой Пульчинеллы, этого «гиперполитичного аполида», диктующего

... иную форму политики, которой нет больше места в действии и которая демонстрирует способности тела в условиях, когда всякое действие становится невозможным³⁴.

В самом деле, является ли сегодня возможность действовать вне «цифры» реальной? Предположим, что нет; и поскольку с самого начала нам предложили провести аналогию между процессом цифровизации и военными действиями, попробуем в заключение представить опыт подобного существования в условиях невозможности действовать на примере романа Жюльена Грака «Балкон в лесу» (1958), в основу которого легли события «странной войны», в которой автор принимал непосредственное участие.

Главный герой романа — младший офицер Гранж, получающий назначение в небольшой форт на франко-бельгийской границе, — явно не из тех, кто любой ценой пытается укрыться от рисков, но он и не из тех, кто априори готов к ним во имя тех или иных возвышенных целей. Понимая, как и его начальство, бессмысленность своего поста (то есть именно невозможность действия), он тем не менее отказывается от предложенного ему перевода, аргументируя свое решение (или, скорее, желание) остаться на месте (на «задворках фальшивой войны», которые оказались «вполне пригодны для жизни»³⁵) просто тем, что ему здесь *нравится*; на что капитан, вначале удивившись подобному чудаче-

сталлизации возмущения. *Эта ситуация неприемлема. Тоннелей под стеной недостаточно. Стена должна пасть*» (Там же).

34. Агамбен Дж. Пульчинелла, или Развлечения для детей в четырех сценах. М.: Носорог, 2021. С. 69–70. Агата Билик-Робсон подвергает концепцию Агамбена радикальной критике за ее последовательно регрессивный характер — с ее точки зрения, ценой «спасения потенциальности» оказывается *нерожденность* как предпочтительное состояние человека (см.: Билик-Робсон А. *Reditus* к преднамеренной незрелости: регрессии Джорджо Агамбена // *Versus*. 2023. Т. 3. № 2); здесь не место подробному обсуждению этого тезиса, однако, исходя из общей логики агамбеновской мысли, речь должна идти скорее о сохранении *нерожденности внутри* рождения (по аналогии с сохранением потенциальности внутри актуального), нежели об отрицании рожденности в принципе.

35. Грак Ж. Побережье Сирта. Балкон в лесу. М.: Прогресс, 1991. С. 359.

ству, затем ответил Гранжу, что «не так уж неприятно воевать вместе с людьми, выбравшими свой способ дезертирства»³⁶. По ходу чтения мы видим, что Гранж продолжает делать все то, что положено по долгу службы, но так, как если бы он не действовал определенным образом, а *просто жил* — и здесь важно увидеть принципиальное различие: не жил войной (в соответствии с юнгеровскими «гештальтами»), а, скорее, жил *в* войне — как если бы можно было воевать, не воюя³⁷. Иными словами, герой Грака не собирается обречь себя подземным богам, под какими бы именами, в облики каких бы идеологом они ни фигурировали, — сакральному призванию он предпочитает профанную жизнь с ее «вольной дисциплиной»³⁸, не чуждой винопитию, эротическим приключениям и задумчивым прогулкам по лесу (без каких-либо метафизических прозрений насчет великих тайн бытия). Собственно, обозначение места службы Гранжа — форта, серьезного военного объекта! — как «балкона в лесу» придает всему оттенок какого-то странного дивертисмента: отнюдь не бытия к смерти, но, скорее, бытия *около* смерти; как если бы герой (как и автор), попадающий в итоге в плен, тем не менее не попал (с самого начала!) в плен к самой войне в серьезном смысле этого слова:

Странная мысль сверлила мозг Гранжа: ему чудилось, что он идет по этому необычному лесу как по своей собственной жизни. Мир отошел ко сну, как Гефсиманский сад, устав от опасений и предчувствий, опьяненный тревогой и усталостью, но день не угас вместе с ним: оставался этот прозрачно-холодный, роскошный свет, переживший людские заботы и как будто горевший над опорожненным миром для себя одного, — этот пустой зрачок ночной хищной птицы, приоткрывающийся раньше времени и как бы рассеянно глядящий куда-то вдаль. Стоял день. Все было озарено странным сиянием преддверия рая, избавленным от опасений и желаний, целомудренным светом, подобным тому, что освещает, но не греет мертвую луну³⁹.

36. Там же. С. 396.

37. В этом-то и состоит разница между потерявшим ориентацию и рассеянным — последний не мучается от потери различия правого и неправого, внутреннего и внешнего, своего и чужого, но живет так, как если бы это различие не было чем-то априори существенным, непомерно значимым: «Надевать он стал пальто / Говорят ему: „Не то!“ / Стал натягивать гамаши — / Говорят ему: „Не ваши!“»

38. Там же. С. 382.

39. Там же. С. 405.

Если, невзирая на всю свою проблематичность, такой взгляд человека на свой опыт участия в мировой войне все-таки оказался возможен, то, может, имеет смысл подумать о возможности «балкона» и в *цифровом* лесу? О доме, который начинается не со стены, отделяющей внутреннее от внешнего, приватное от публичного, а с элемента, ставящего под вопрос «серьезность» этого разделения, этой «линии»? О становлении «хищной птицей», но с рассеянным взглядом?

Библиография

- Агамбен Дж. Пульчинелла, или Развлечения для детей в четырех сценах. М.: Носорог, 2021.
- Агамбен Дж. Stasis. Гражданская война как политическая парадигма. Homo sacer, II, 2. СПб.: Владимир Даль, 2021.
- Беляев В. В. Россия и Наполеон в поэме Гоголя «Мертвые души» // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. 2009. Т. 9. № 4. С. 65–70.
- Беньямин В. Произведение искусства в эпоху его технической воспроизводимости // Учение о подобии. Медиаэстетические произведения. Сб. ст. / Сост. и послесл. И. М. Чубаров, И. А. Болдырев. М.: РГГУ, 2012. С. 190–234.
- Беньямин В. Теории немецкого фашизма. О сборнике Эрнста Юнгера «Война и воины» // Маски времени. Эссе о культуре и литературе / Сост., предисл. и прим. А. В. Белобратов. СПб.: Симпозиум, 2004.
- Билик-Робсон А. Reditus к преднамеренной незрелости: регрессии Джорджо Агамбена // Versus. 2023. Т. 3. № 2. С. 75–113.
- Бьорг У. Как делаются деньги? Философия посткредитного капитализма. М.: Ад Маргинем Пресс, 2018.
- Грак Ж. Побережье Сирта. Балкон в лесу. М.: Прогресс, 1991.
- Жижек С. Добро пожаловать в пустыню Реального. М.: Фонд «Прагматика культуры», 2002.
- Зубофф Ш. Эпоха надзорного капитализма. Битва за человеческое будущее на новых рубежах власти. М.: Издательство Института Гайдара, 2019.
- Лишаев С. А. Эстетика пространства. СПб.: Алетейя, 2015.
- Платон. Парменид // Собр. соч.: В 4 т. М.: Мысль, 1993. Т. 2.
- Саден Э. Тирания Я: конец общего мира. СПб.: Издательство Ивана Лимбаха, 2023.
- Скопин Д. А. Конец буржуазных апартаментов. Коммунальные квартиры и музеи в «Московском дневнике» // Логос. 2018. Т. 28. № 1. С. 115–140.
- Фуко М. Рождение биополитики. Курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1978–1979 учебном году. СПб.: Наука, 2010.
- Юнгер Э. Рабочий. Господство и гештальт; Тотальная мобилизация; О боли. СПб.: Наука, 2000.
- Юнгер Э. Сердце искателя приключений. М.: Ад Маргинем Пресс, 2022.
- Юнгер Э. Уход в лес. М.: Ад Маргинем Пресс, 2022.
- Юнгер Э. Через линию // Судьба нигилизма: Эрнст Юнгер, Мартин Хайдеггер, Дитмар Кампер, Гюнтер Фигаль / Пер. с нем., предисл. и комм. Г. Р. Хайдаровой. СПб.: СПбГУ, 2006.

DISTRACTION VS COSINESS: ON THE DIGITAL HOMELESSNESS
IN RELATION TO THE CONCEPT OF SHOSHANA ZUBOFF

ALEXANDER POGREBNIYAK. St. Petersburg National Research University of Information Technologies, Mechanics and Optics (ITMO University); National Research University Higher School of Economics (HSE University), St. Petersburg, Russia, aapogrebnyak@gmail.com.

Keywords: digitalization; surveillance capitalism; home; seriousness; distraction; Shoshana Zuboff.

The paper presents an attempt to understand the phenomenon of digital homelessness. The starting point of the argument is Shoshana Zuboff's thesis that under the conditions of surveillance capitalism people are deprived of their homes in the sense that their entire existence (including the inner world) is subject to digitization. The goal of this digitization is to establish complete control over our behavior, in which both capitalist corporations and governments may be interested. Of particular interest in Zuboff's concept, according to the author, is the obsessive use of military metaphors — she constantly emphasizes the similarities between the activities of “surveillance capitalists” and conquerors (for example, conquistadors). This allows to draw an analogy with the interpretation of war in the works of Ernst Jünger (e.g. *The Worker, Total Mobilization*, etc.).

Without disputing the need to criticize the strategy of “surveillance capitalists,” the author questions the inevitability of turning to the image of war as an expression of the utmost existential seriousness, that is, concentration that mobilizes all the abilities of the subject to achieve truly significant goals. Based on the criticism expressed by Walter Benjamin against Jünger, it is shown that perhaps just the opposite — not concentration, but rather *distraction* could serve as the most reasonable form of existence in the situation of radical “uncosiness” generated by capitalist digitalization.

DOI: 10.17323/0869-5377-2024-6-235-254

References

- Agamben G. *Pul'chinella, ili Razvlecheniia dlia detei v chetyrekh stsenakh* [Pulcinella ovvero Divertimento per li ragazzi], Moscow, Nosorog, 2021.
- Agamben G. *Stasis. Grazhdanskaia voina kak politicheskaia paradigma. Homo sacer, II, 2* [Stasis. La guerra civile come paradigma politico. Homo sacer, II, 2], St. Petersburg, Vladimir Dal', 2021.
- Belyaev V. Rossiia i Napoleon v poeme Gogolia “Mertvye dushi” [Russia and Napoleon in Gogol's “Dead Souls”]. *Izvestiya of Saratov University. Philology. Journalism*, 2009, vol. 9, no. 4, pp. 65–70.
- Benjamin W. *Proizvedenie iskusstva v epokhu ego tekhnicheskoi vosproizvodimosti* [Das Kunstwerk im Zeitalter seiner technischen Reproduzierbarkeit]. *Uchenie o podobii. Mediaesteticheskie proizvedeniia: sbornik statei* [Doctrine of the Similar. Media Aesthetic Works: A Collection of Articles], Moscow, RSUH, 2012, pp. 190–234.
- Benjamin W. *Teorii nemetskogo fashizma. O sbornike Ernsta Iungera “Voina i voiny”* [Theorien des deutschen Faschismus. Zu der Sammelchrift “Krieg und Krieger”]. *Maski vremeni. Esse o kul'ture i literature* [Masken der Zeit: Essays zur Kultur und Literatur], St. Petersburg, Symposium Publishing House, 2004.

- Bielik-Robson A. Reditus k prednamerennoi nezrellosti: regressii Dzhordzho Agambena [Reditus into Self-Inflicted Immaturity: Agamben's Regressions]. *Versus*, 2023, vol. 3, no. 2, pp. 75–113.
- Bjerg O. *Kak delaiutsia den'gi? Filosofii postkreditnogo kapitalizma* [Making Money. The Philosophy of Crisis Capitalism], Moscow, Ad Marginem, 2018.
- Foucault M. *Rozhdenie biopolitiki. Kurs lektsii, pročitannykh v Kollezhe de Frans v 1978–1979 uchebnom godu* [Naissance de la biopolitique. Cours au Collège de France (1978-1979)], St. Petersburg, Nauka, 2010.
- Gracq J. *Poberezhè Sirta. Balkon v lesu* [Le Rivage des Syrtes. Un balcon en forêt], Moscow, Progress Publishers, 1991.
- Jünger E. Cherez liniu [Über Die Linie]. In: *Sud'ba nigilizma: Ernst Junger, Martin Khaidegger, Ditmar Kamper, Giunter Figal'* [The Fate of Nihilism: Ernst Jünger, Martin Heidegger, Dietmar Kamper, Günter Figal], St. Petersburg, St. Petersburg University Press, 2006.
- Jünger E. *Rabochii. Gospodstvo i gestal't; Total'naia mobilizatsiia; O boli* [Der Arbeiter. Herrschaft und Gestalt; Die totale Mobilmachung; Über den Schmerz], St. Petersburg, Nauka, 2000.
- Jünger E. *Serdtshe iskatelia prikliuchenii* [Das abenteuerliche Herz], Moscow, Ad Marginem, 2022.
- Jünger E. *Ukhod v les* [Der Waldgang], Moscow, Ad Marginem, 2022.
- Lishaev S. *Estetika prostranstva* [Aesthetics of Space], St. Petersburg, Aletheia, 2023.
- Plato. Parmenid [Parmenides]. *Sobranie sochinenii: V 4 tomakh* [Collected Works: In 4 Volumes], Moscow, Mysl', 1993, vol. 3.
- Sadin E. *Tiraniia Ia: konets obshchego mira* [L'ère de l'individu tyran: La fin d'un monde commun], St. Petersburg, Ivan Limbakh Publishing House, 2023.
- Skopin D. Konets burzhuzaznykh apartamentov. Kommunal'nye kvartiry i muzei v "Moskovskom dnevnike" [The End of Bourgeois Dwellings. Communal Apartments and Museums in "The Moscow Diary"]. *Logos (Russia)*, 2018, vol. 28, no. 1, pp. 115–140.
- Žizek S. *Dobro pozhalovat' v pustyniu Real'nogo* [Welcome to the Desert of the Real], Moscow, The "ArtPragmatica" Foundation, 2002.
- Zuboff S. *Epokha nadzornogo kapitalizma. Bitva za chelovecheskoe budushchee na novykh rubezhakh vlasti* [The Age of Surveillance Capitalism: The Fight for a Human Future at the New Frontier of Power], Moscow, Gaidar Institute Press, 2019.